

РЫЦАРЬ ОТЧАЯННОГО ОБРАЗА

О ПЕДРО АЛЬМОДОВАРЕ

МИХАИЛ ТРОФИМЕНКОВ

AFP / ROGER WOLLET

GETTY IMAGES/FOTOBANK.COM

пикассо, например, был не быком и не матадором, а самой корридой. альмодовар, пожалуй, тоже ближе к стадии корриды

Педро Альмодовар родился в 1949 году в Ла-Манче.

Копирайт на Ла-Манчу, казалось бы, на века закреплен за Дон Кихотом, да и не вынести испанскому захолустью бремени родины сразу двух национальных символов, к тому же столь несхожих. Несхожих? Лишь на поверхностный взгляд. При метафизической встрече земляков Альмодовар вправе кинуться на шею изможденному Рыцарю печального образа с воплем «Прапрапрадедущка!», и тот, взыв было от неожиданности, что его атакуют очередные демоны, присмотревшись, непременно признает своего упитанного прапраправнука.

Разум мелкопоместного идадьго по фамилии Кихана пошел вразнос, когда тот начитался романов о Рыцаре пламенного меча, «который одним ударом рассек пополам двух свирепых и чудовищных великанов» — китча, pulp fiction XVI века. Тихий служащий телефонной станции Альмодовар восторгался фотороманами — и впоследствии даже сотворил один под названием «Великий оргазм», — не менее душераздирающими, чем повести о Ринальдо Монтальванском.

Воображение Дон Кихота, пишет Сервантес, «было поглощено всем тем, о чем он читал в книгах: чародейством, распрями, битвами, вызовами на поединки, ранениями, объяснениями в любви, любовными похождениями, сердечными муками и разной невероятной чепухой». Этот инвентарный список «невероятной чепухи» разве не краткое резюме экзальтированных сюжетов Альмодовара?

А такая вот фраза — в передаче Сервантеса — из некоего романа, виновного в умопомрачении идадьго: «Благоразумие вашего неблагоразумия по отношению к моим разумным доводам до того помрачает мой разум, что я почти таю вполне разумным принести жалобу на ваше великолепие». Разве не органично прозвучала бы она в устах персонажа Альмодовара?